

М. Л. Лурье (ЕУ СПб)

А. А. Сенькина

Детские «Интернационалы» 1920-х годов
(комментарий к пьесе В. П. Правдухина
«Школьный учитель, или Трудовая артель»)*

Педагог, писатель и охотник

Имя Правдухина едва ли о чем-то говорит современному читателю. А если говорит, то с наибольшей вероятностью — любителям охотничьей прозы: его книга очерков «Годы, тропы, ружье» только в текущем столетии издавалась дважды.¹ Поэтому мы сочли нелишним начать свой комментарий небольшим биографическим экскурсом.

Валериан Павлович Правдухин (1892—1938) родился в одной из станиц Оренбургской губернии в семье псаломщика. Он учился в Оренбургском духовном училище, был исключен оттуда за участие в первомайском митинге, затем экстерном за один год окончил гимназию, выдержал экзамены на звание учителя второклассного училища и был назначен в Акбулакскую школу Тургайской области, где три года проработал народным учителем.

* Работа М. Л. Лурье выполнена по гранту РФФИ: № 19-012-00615 «Русская революционная песня в первые десятилетия советской эпохи: от фольклора революции к советскому идеологическому проекту».

¹ *Правдухин В. П.* Годы, тропы, ружье. М., 2005 (Серия: «Охотничьи приключения»); М., 2016 (Серия: «Сибиряда»).

В годы учительства Правдухин заинтересовался современными педагогическими теориями и стал сторонником толстовских идей «свободного воспитания», каковые воплощал в собственной учительской практике. Он разработал свою методику обучения родному языку, в которой основная роль отводилась поэтическим опытам самих школьников, и представил ее в докладе «Развитие творчества, как метод ведения письменных работ» на Первом (и единственном) всероссийском учительском съезде по народному образованию (Санкт-Петербург, декабрь 1913 — февраль 1914).²

С 1914 по 1917 год Правдухин учился в Москве на историко-филологическом факультете народного университета имени А. Л. Шанявского, затем преподавал в Оренбурге, а в 1919 году вместе с женой Лидией Сейфуллиной переехал в Челябинск. Там они занимались устройством советской трудовой школы, создали детский театр и сами сочиняли для него пьесы, что стало для обоих началом литературной карьеры. Так, в 1920 году Правдухин дебютировал как писатель с пьесой «Новый учитель, или Трудовая артель», которая тогда же была поставлена в Народном

² Основные положения доклада были опубликованы в журнале «Учитель и школа» (1914, № № 3, 8, 13—14). Об этом методическом новаторстве Правдухина упоминает К. И. Чуковский в первом издании книги «Маленькие дети» (1928): «...После многолетних усиленных поисков, отыскал лишь одного педагога, заботящегося о развитии в детях стихотворного чувства, да и то где-то в Азии, в Тургайской области, в страшной глуши. Там еще до революции учительствовал сибиряк Валериан Правдухин, впоследствии ставший писателем. В борьбе с казенщиной уездных училищ он, наперекор министерской программе, отменил писание диктовок и стал приучать учеников к стихотворству» (*Чуковский К.* Маленькие дети: Детский язык. Экикики. Лепые нелепицы. [Ленинград]: Красная газета, 1928 (тип. им. Володарского). с. 62). В более поздних изданиях этой книги под названием «От двух до пяти» данный фрагмент не воспроизводился — вероятно, из соображений самоцензуры, поскольку Правдухин был осужден по серьезному политическому обвинению. Однако Чуковский продолжал использовать примеры детских стихотворных сочинений, опубликованных Правдухиным в статьях.

доме Челябинска с его участием, а затем и в нескольких других театрах страны.³

В 1921 году в Новосибирске Правдухин участвовал в создании журнала «Сибирские огни»⁴ и начал выступать в качестве литературного критика.⁵ В 1923 по приглашению А. К. Воронского супруги переехали в Москву, где Правдухин некоторое время заведовал литературно-критическим отделом журнала «Красная звезда». В 1920—1930-е годы в соавторстве с Сейфуллиной он написал две пьесы: «Вириня» (1925)⁶ и «Черный Яр» (1931),⁷ а самым значительным (и последним) произведением писателя стал исторический роман «Яик уходит в море» (1936).⁸

С середины 1920-х годов Правдухин отошел от литературной критики, а основной темой его собственного творчества стала охота, страстная привязанность к которой в течение всей его жизни успешно соперничала с педагогическими и литературными интересами. Он опубликовал несколько десятков рассказов и очерков в охотничьих журналах и газетах, выходявших во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов («Охота и природа», «Всемирный следопыт», «Охотничья Газета») и отдельными изданиями,⁹

³ См.: Кедров А. Совслужащий челябинского Наробраза // Врата Рифея. М., 1996. С. 404—405. См. электронную публикацию на сайте «Научная библиотека оцифрованной литературы»: <http://greyish.ru/?p=601>; дата обращения: 31.10.2020.

⁴ См. подробнее: Юрасов И. Рождение журнала // Сибирские огни. 1962. № 3. С. 7—9.

⁵ См. книгу, в которой собраны многие из его литературно-критических статей и теоретических эссе по социальной эстетике: Правдухин В. Литературная современность 1920—1924. М., 1924.

⁶ Правдухин В. П., Сейфуллина Л. Н. Вириня: Сцены нар. жизни в 5 д. [Пьеса]. М.; Л., 1925.

⁷ Правдухин В. П., Сейфуллина Л. Н. Черный яр: Пьеса в 4-х д. М.; Л., 1931.

⁸ Правдухин В. П. Яик уходит в море // Красная новь. 1936. № 2—4; М., 1937; Челябинск, 1968; Челябинск, 1978; СПб., 2011.

⁹ Правдухин В. П. Фазаны. Охотничьи рассказы. М., 1926; Он же. Заколдованный ток. Охотничьи рассказы. М., 1928; Он же. Охотничья юность. Рассказы. М., 1933.

и упомянутый выше автобиографический сборник очерков «Годы, тропы, ружье. (Воспоминания охотника)». ¹⁰

В 1937 году Правдухин был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной организации и через год осужден и расстрелян. ¹¹

Интернационал ласточек

В этой заметке мы обращаемся к упомянутой выше пьесе «Новый учитель, или Трудовая артель», написанной Правдухиным в 1920 году по воспоминаниям о не столь давнем собственном учительском опыте. В полном соответствии с прототипической реальностью местом действия является народная школа поселка Акбулак (Ак-Булак), время же несколько сдвинуто вперед: Правдухин работал в школе с 1911 по 1913 год, в пьесе действие разворачивается, как можно понять из авторских ремарок, с 1914-го по 1916-й.

Песенный текст, инспирировавший наши комментаторские разыскания, приведен во втором действии пьесы, изображающем учеников и само пространство школьного класса преобразившимися под влиянием педагогических идей и личной харизмы нового учителя, с момента появления которого в школе (первое действие) прошел год. Привычно засидевшись после уроков за учебными, творческими и общественными занятиями, дети вместе с учителем вспоминают его недавно умершего друга Сашу Верина, который, по словам написанного одним из школьников некролога, «был и нам друг», «любил нашу

¹⁰ Правдухин В. П. Годы, тропы, ружье. М.; Л., 1930.

¹¹ Об аресте В. П. Правдухина упоминает К. Чуковский в дневниках (Запись от 18 августа 1937): «Говорят, что в Переделкине арестован В. Правдухин, муж Лидии Сейфуллиной, который весной приходил с ней на репетиции „Наташи“: пьяница, охотник, типичный русак. Когда его увезли черной ночью, она упала на землю и истошно выла» (Чуковский К. И. Дневник: В 3 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской. М., 2011. Цит. по: <https://prozhito.org/notes?keywords=%5B%22Правдухин%22%5D>; дата обращения: 31.10.2020).

школу», «приезжал к нам, привозил книги, картины, играл с нами, читал нам сказки», «нас научил петь и сочинил нам детский гимн». В коллективные воспоминания о Верине встроено и коллективное исполнение песни его авторства:

Нина. Ну, петь давайте скорее, а то нам домой надо.

Учитель. Ну, друзья, споём и в самом деле! Что хотите?

Мотя. Колыбельную песню давайте споём.

Комиссаров. Лучше «наш гимн» споём. Сашу вспомним.

Филиппов. Голосую! Кто за детский гимн? Прошло.

Учитель. Ну, становитесь в кружок. Ну, тише. Начнём!

(Сбившись в кружок, дети поют).

ПЕСНЬ ЛАСТОЧЕК МИРОВОЙ ВЕСНЫ
(Мотив Интернационала)

Нас много, много в этом мире —
Детей рабочих и крестьян.
В степной Руси, в лесной Сибири
Как мощный хор, звучит наш стан!
Из края в край несётся песня
И будит нас, детей, от сна,
И с нею всех красот чудесней
В цветах идёт сама весна.

Припев:

Это будет наш первый и радостный бой,
И в новую школу летит наш детский рой,

И скоро, скоро канет в Лету
Насилье взрослых, звон цепей.
Дорогу выложим мы к свету
Из песен радостных детей.
Пусть старый мир уйдёт в подвалы,
Мы заколотим двери в них, —
Для наших песен школы малы:
Для нас мир целый не затих!

Припев.

И шире, шире лейся песня,
Звени в просторах полевых.
А с ней в груди детей воскресни
Дух воли предков боевых.
Молитвы, цепи и таблицы
Отныне мы в музей сдаём,
И песню вольную как птицы,
Мы миру вольному поём!

Припев.

Комиссаров. Хороша эта песня, ребята!
Леонов. Песня, хошь куда.
Трохин. Эх, Верина нет! Как он ее пел. Помните, как
он в поле нас учил ее петь!

Из нескольких поэтических текстов, которые звучат в «Новом учителе», только два, по-видимому, принадлежат перу самого Правдухина, в их числе и «детский гимн».¹² Очевидно, что в пьесе на песню возложены важные смысловые и композиционные функции: на протяжении действия ее дважды исполняют хором все участники школьной «трудовой артели». Второй раз она звучит в финале (школьники провожают учителя в Москву) как

¹² Другой — короткое стихотворение, авторство которого в пьесе сообщается всё тому же другу и учителю Александру Верину, очевидно alter ego автора пьесы и ее главного героя. Остальные представляют собой короткие фрагменты известных произведений (например, «Конька-горбунка» П. Ершова, «Медленно движется время» И. Никитина) и реальные опыты поэтического творчества учеников Правдухина в Ак-Булакской школе, о чем автор сообщает в специальном примечании и что подтверждается публикацией этих текстов в статьях: *Правдухин В. П.* Развитие творчества, как метод ведения письменных работ (Доклад, читанный на всероссийском съезде по нар. обр.) // *Учитель и школа. Журнал общественно-педагогический.* Февраль. № 3. 1914. С. 16—31; *Он же.* Детское творчество и народный учитель // *Учитель и школа.* Апрель. № 8. С. 12—30.

заключительный аккорд всей пьесы, причем снова исполняется полностью: герои покидают сцену только на последнем куплете и, соответственно, допевают песню за кулисами под медленно опускающийся занавес:

Учитель. <...> Ну, а теперь нашу песню... И в дорогу.
В кружок, ближе. (Бодро). Дружней и смелей, трудовая
артель!.. Начинаем. (*Поют*).

Нас много, много в этом мире
Детей рабочих и крестьян, и т. д.

Уходят со словами:

И шире, шире лейся песня!
Медленно занавес.

Нетрудно увидеть, что «детский гимн» устроен как песня о песне. Само слово *песня* использовано в названии и пять раз употребляется в тексте. В сюжетном плане хоровое пение детей — безусловный лейтмотив всего стихотворения: песня *несется, будит от сна, ею выкладывают дорожку*, ей предписывается *литься шире, звенеть в просторах*, воскрешать *дух воли*, ее поют *вольному миру*. При этом текст встроен в ритмическую структуру «Интернационала», сопровождается припевом, отсылающим к нему и на текстуальном уровне (*Это будет наш первый и радостный бой*) и предназначен к исполнению на его мелодию.

Зачем Правдухину в «детском гимне», сочиненном для вольнолюбиво настроенных и алчущих перемен, но вполне мирных школьников предреволюционной эпохи, понадобилось задействовать высокий канон революционной песни? И насколько вообще в ранние годы советской власти было в порядке вещей пародически использовать «Интернационал» — международный гимн пролетариата и официальный гимн РСФСР с 1918 года, приспособивая его по собственному усмотрению и для собственных

целей? Ответить на эти вопросы мы видим задачей настоящего комментаторского этюда.

В тексте «детского гимна» присутствует не только прямая апелляция к «Интернационалу», но и следы более широкого взаимодействия с русской революционной песней — как через использование ее общих стилистико-поэтических черт («высокий» гимновый язык, коллективное лирическое *мы*, нагромождение метафор и т. д.), так и посредством более или менее выраженных аллюзий на ключевые тексты этой традиции, которая таким образом задействуется в «фоновом режиме». В «детском гимне» Верина-Правдухина *дети рабочих и крестьян* готовятся, *выложив дорогу* песнями, вступить в *радостный бой со старым миром* и возвестить рождение *вольного мира* — ср.: *В бой, молодая гвардия рабочих и крестьян* («Молодая гвардия»); *В царство свободы дорогу / Грудью проложим себе* («Смело, товарищи, в ногу»); *В бой роковой мы вступили с врагами* («Варшавянка»), *Отречемся от старого мира* («Рабочая марсельеза») и т. д.

Само название «Песнь ласточек мировой весны» фактически является метафразой стиха «Мы ласточки свежей зеленой весны» из стихотворения В. Г. Богораза-Тана «Не скорбным, бессильным, остывшим бойцам» — одного из тех его поэтических сочинений, которые «популяризировались марксистской печатью и стали песнями». ¹³ На этот текст как один из источников вдохновения «Песни ласточек...» указывает и сопоставление строф —

у Богораза:

От края до края родимой страны
Друг другу несем мы привет...
Мы ласточки свежей зеленой весны,
Идущей за нами вослед;

¹³ Песни русских поэтов: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В. Е. Гусев. Л., 1988. Т. 2. С. 290 (со ссылкой на: *Воскобойников М. О поэзии В. Г. Богораза-Тана // На Севере Дальнем. Магадан, 1959. № 4*).

у Правдухина:

Из края в край несётся песня
И будит нас, детей, от сна,
И с нею всех красот чудесней
В цветах идёт сама весна.

Стоит обратить внимание на то, как в «детском гимне» употребляется метафора *цепей* — один из базовых топов революционной песни (и революционной риторики в целом). В отличие от «взрослых» революционных песен, где *цепи* во многих случаях — не только метафора, но и метонимия, подразумевающая общий для революционеров биографический опыт тюрьмы и каторги, в песне о борьбе детей за новую школу, разумеется, возможна реализация исключительно аллегорической семантики. Эта аллегория несвободы использована в тексте дважды, причем в таких перечислительных рядах, остальные компоненты которых метафорами не являются, но отсылают к реалиям школьной педагогики: в одном случае *звон цепей* соседствует с *насильем взрослых*, в другом — с *молитвами* и *таблицами*. Таким образом, *цепи* здесь работают как своего рода аллегорический гипероним: *насилие взрослых*, *молитвы* и *таблицы* — все это разновидности *цепей* старой школы, которые скоро канут в Лету, и дети уже начинают сдавать их в музей.

Пьеса Правдухина имела счастливую, хотя и недолгую издательскую и сценическую судьбу. В первой половине 1920-х годов она неоднократно публиковалась¹⁴ и ставилась и, по-видимому, приобрела некоторую известность. С большей определенностью это можно сказать

¹⁴ Правдухин В. П. Новый учитель (Трудовая артель). Челябинск, 1920; То же. 2-е изд. Омск, 1922. Вошла в репертуарные сборники: На пороге жизни. Сборник материалов по организации праздника / Сост. А. М. Лебедев, Н. А. Пашков. М., 1923. С. 51–75; Детский революционный театр. М., 1924. С. 13–80.

о «детском гимне»: он был замечен и по достоинству оценен коллегами Правдухина по цеху детской драматургии, охотно помещавшими песню в собственные произведения. Так, в сборнике «На пороге жизни» (1923), куда в сокращенном виде был включен и правдухинский «Новый учитель», финальная ремарка небольшой пьесы «Дождался...» гласит: «Пьеса заканчивается хором „Песня ласточек мировой весны“». ¹⁵

Два куплета песни были использованы в одноактной пьесе М. Леонова «Сон на яву», опубликованной в московском сборнике «Детский революционный театр» (1924). В текст «детского гимна» здесь закралась характерная ошибка: в строке припева вместо: «Это будет наш первый и решительный бой», — напечатано: «Это будет наш первый и решительный рай». ¹⁶ В этой замене, актуализирующей типичный для революционных песен утопический вектор правдухинского текста, можно заподозрить не механическую опечатку, но характерную оговорку, в особенности если учесть контекст исполнения песни: в пьесе Леонова ее поют советские пионеры, явившиеся в коллективном сне голодающим детям немецких пролетариев и принесшие им богатые гостинцы и радостную весть о скорой победе революции в Германии — вслед за Россией, где «решительный рай» уже воцарился в полной мере.

Между тем для нашего комментария не менее примечательным является другое, хотя и не столь существенное отступление от источника. В «Сне на яву» песня обозначена не в соответствии с исходным, авторским вариантом — как «Песнь ласточек мировой весны», исполняемая на «мотив Интернационала», — а кратко и определенно:

¹⁵ Дождался. Инсценировка по рассказу С. И. Шмелева «Письмо без марки и штемпеля» // На пороге жизни. С. 84.

¹⁶ Леонов М. Сон на яву // Детский революционный театр. С. 98. В примечании к пьесе Леонов указывает в качестве источника текста песни упомянутый выше сборник «На пороге жизни», вышедший годом ранее.

«Школьники за сценой поют детский Интернационал».¹⁷ Не будь далее приведен текст, эта ремарка и вовсе выглядела бы так, как будто речь идет об общеизвестном «Детском Интернационале», опознаваемом по этому названию. Однако это не так. Во-первых, песня Правдухина, хотя и использовалась авторами других детских пьес, но, судя по всему, не вышла за орбиту сценического обращения. Мы не находим ни одного случая ее публикации в качестве самостоятельного песенного текста ни в песенниках тех лет, ни в сборниках материалов к школьным праздникам, равно как и упоминаний о ее исполнении вне театральных подмостков. Во-вторых, это был не единственный опыт создания детской версии главной революционной песни.

Интернационал цветов

В том же 1920 году, что и пьеса Валериана Правдухина, в журнале «Северное сияние»¹⁸ появилось стихотворение Василия Князева «Цветы Коммуны». В отличие от Правдухина, для Князева это было далеко не дебютное произведение, который начал публиковаться в середине 1900-х и к началу 1920-х был уже литератором со стажем и с именем, на счету которого были десятки сатирических стихотворений и фельетонов, текстов революционной лирики (из них огромную популярность получила «Песня коммуны»), детских стихов.¹⁹

¹⁷ Там же.

¹⁸ Журнал «Северное сияние», известный как первое советское периодическое издание для детей общероссийского масштаба, был создан по инициативе М. Горького и просуществовал всего два года, 1919–1920. См.: Колесова А. Н. Детские журналы советской России. Петрозаводск, 1993. С. 98–101. Василий Князев опубликовал в журнале несколько детских стихотворений.

¹⁹ Кроме того, большую известность Василию Князеву принес составленный им сборник частушек — одно из первых масштабных изданий текстов этого жанра (Князев В. В. Жизнь молодой деревни: Частушки-коротушки С.-Петербургской губернии. СПб., 1913).

Мы — дети вольного народа,
Цветы коммуны трудовой.
Нам огнекрылая свобода
Открыла дом заветный свой.
Цветем, бывлых невзгод не зная,
Забыт подвалов сумрак-тьнь;
В садах коммуны жизнь иная —
Здесь солнце блещет круглый день.
Мы — цветение злака;
Нив грядущих ростки
Полей весенних мака
Знамена-огоньки!

Нас встретив ласково у входа,
Садовница сказала нам:
«Закрыты двери в сад народа
Одним лишь только шалунам.
Пускай родился ты в палатах,
Тебя никто не попрекнет:
Здесь нет ни бедных, ни богатых,
Ни угнетенных, ни господ.
Вы — цветение злака;
Нив грядущих ростки;
Полей весенних мака
Знамена-огоньки!

Душа ребенка — то же поле:
К посеву жадное, оно
Лишь то зерно взрастит на воле,
Что в борозду заронено.
Не страшен нам теплицы барской
Цветок, точащий сладкий яд:
На нашей грядке пролетарской —
Он переймет наш аромат.
Мы — цветение злака;
Нив грядущих ростки;
Полей весенних мака
Знамена-огоньки!

Мы — дети вольного народа,
Цветы республики труда;
Нас огнекрылая свобода
Усыновила навсегда.
Цветем, бывших невзгод не зная,
Забыт подвалов сумрак-тьня;
В садах коммуны жизнь иная —
Здесь солнце блещет круглый день.
Мы — цветение злака;
Нив грядущих ростки;
Полей весенних мака
Знамена-огоньки!²⁰

Публикация в «Северном сиянии» считается первым и единственным при жизни автора появлением в печати этого стихотворения Князева. На нее ссылается Е. О. Путилова, включившая «Цветы Коммуны» во второй том своей антологии «Четыре века русской поэзии детям»,²¹ а Бен Хеллман прямо связывает появление этого текста с появлением журнала: «По приглашению Горького, как можно предполагать, он стал сотрудником первого советского детского журнала „Северное сияние“. Это недолговременное периодическое издание обращалось к новой публике, к детям рабочих и солдат красной армии. Для них Князев написал два стихотворения — „Дети коммуны“ (1920) и „Сын коммунара“ (1920)».²² На самом деле нельзя исключить, что «Цветы коммуны» могли быть написаны раньше и опубликованы, например, в «Красной газете», одним из создателей и постоянных авторов которой был Князев и где он в послереволюционные годы обычно

²⁰ Князев Василий. Цветы Коммуны // Северное сияние. 1920. № 7—12. С. 27—28.

²¹ Четыре века русской поэзии детям: В 3 т. / Вступ. ст., сост. и примеч. Е. О. Путиловой. СПб., 2013. Т. 2. С. 97—98.

²² Хеллман Б. «В пяти верстах от истины»: Детская поэзия Василия Князева // Детские чтения. 2014. № 2 (006). С. 233—242. В статье используется неверное название стихотворения («Дети коммуны»).

печатал свои свежие творения: в частности, упомянутое стихотворение «Сын коммунара», появилось на страницах газеты в августе 1918 года, то есть за два года до публикации в «Северном сиянии».²³ Но, в отличие от последнего, «Цветы Коммуны» Князев действительно никогда не печатал позже.

На связь «Цветов Коммуны» с «Интернационалом» в публикации нет никаких указаний. Между тем комбинация стихотворных размеров и строфики — два катрена **Я4жм** в основных частях (куплетах) и катрен **Ан2жм** в рефренах (припевах) — исключает всякие сомнения в том, что Князев намеренно ориентировался именно на этот музыкально-поэтический прототип. Как и в случае с «Песнью ласточек...», в тексте видны отчетливые интертекстуальные следы, ведущие и к другим революционным песням. В частности, строки:

Мы — дети вольного народа,
Цветы коммуны трудовой, —

недвусмысленно перекликаются со словами из «Смело, товарищи, в ногу»:

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.

Разворачивая и на разные лады обыгрывая метафору *дети — цветы*, Князев использует характерный для утопического социального воображения революционной эпохи образ сада (*сады коммуны, сад народа*). При этом вторая и третья части стихотворения, то есть две из четырех (а фактически из трех, поскольку первая и четвертая

²³ Пролетарские поэты первых лет советской эпохи / Вступ. ст. З. С. Паперный; подгот. текста, биограф. справки и примеч. Р. А. Шацева. Л., 1959. С. 527.

почти не различаются) полностью посвящены разъяснению социального протокола детской коммуны, согласно которому она должна быть прообразом и одновременно фабрикой бесклассового общества коммунистического будущего (*Здесь нет ни бедных, ни богатых, / Ни угнетенных, ни господ*), где врожденные социальные различия аннулируются, имеющие значение на входе, нивелируются общинным влиянием (*На нашей грядке пролетарской – Он переймет наш аромат*).

Важный нюанс в использовании Князевым ключевой метафоры состоит в том, что *сад коммуны* здесь — это одновременно и райский сад советского детства, и собственно «детский сад» в привычном нам употреблении этого словосочетания, с его давно стершимся метафорическим смыслом. На этот второй смысловой план, в частности, указывает употребление слова «садовница», которое появилось в русском языке вместе с детскими дошкольными учреждениями фребелевского образца и обозначало женщину — педагога в этих учреждениях: именно это значение как единственное фиксируется в словарях вплоть до середины XX века.²⁴

Как и «Песнь ласточек...», «Цветы Коммуны» никогда не печатались в песенниках. Однако князевское стихотворение попало на страницы другого массового издания, популяризирующего и тиражирующего тексты и в этом отношении изофункционального песенникам — хрестоматии для начальных классов. Бдительные составители учебных пособий для трудовой школы не прошли ни мимо этого текста, ни мимо его авторитетного «прото-текста». Более того, последнее обстоятельство, вероятно,

²⁴ САДО'ВНИЦА, ы, ж. 1. Женск. к садовник. 2. Жена садовника (устар.). 3. Воспитательница, преподавательница в детском саду (педаг. арг.) // Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935—1940. Т. 3. <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>; дата обращения: 31.10.2020.

сыграло свою роль в том, что текст был включен в учебник, и несомненно — в том, какое место ему там отведено. Стихотворение Князева было опубликовано в книге для чтения «Новый мир», изданной в Омске, причем дважды — в 1-й и 2-й частях, то есть в книгах, предназначенных для первого и второго годов обучения соответственно.²⁵ В обоих случаях оно напечатано без указания автора под заголовком «Интернационал», а в содержании одной из книг обозначено как «Детский интернационал». В «Части 2-й», вышедшей раньше 1-й — в 1923 году, оказалось таким образом два «Интернационала»: «настоящий», помещенный в раздел о революции, и князевский — первый текст всей книги.

В редакции составителей учебного пособия текст лишился третьего куплета, в припевах сложный синтаксис изощренных авторских метафор упростился, что лишило некоторые из них смысла (например, вместо «мы — цветение знаков» стало «мы — цветения знаки» и т. п.). Кроме того, во втором куплете *шалуны* стали *драчунами*, а *господа* — *рабами*, что, впрочем, никак не повлияло на смысл куплета: в *саду народа* значение имеет не происхождение, а поведение.

Нам встретилось одно указание на практику исполнения «Цветов Коммуны» детьми в качестве песни. Журналист В. Кузенкин, со слов героя своей заметки Н. Н. Болдырева, 1915 г. р., упоминает, что «он с радостью затягивал в школе имени Короленко „Детский интернационал“: Мы дети вольного народа, Цветы республики труда, Нас огнекрылая свобода Усыновила навсегда...».²⁶

²⁵ Новый мир. Книга для чтения по родному языку / Сост. кружком препод. рус. яз. В. Федоровой, П. Петровым, А. Бугаевой, К. Теняжиной. Омск, 1923. Ч. 2. С. 1—2; 1924. Ч. 1. С. 54.

²⁶ Владимир Кузенкин. «Анекдот»: история Николая Болдырева // Atasinfo 20 сентября 2015, 09:00 — <https://atas.info/article/general/20-09-2015/anekdot-istoriya-nikolaya-boldyreva>; дата обращения: 31.10.2020.

Учитывая, что речь идет об Омске и о середине 1920-х годов, сложно не заподозрить в качестве источника этой песни в школьном репертуаре публикацию в «Новом мире» — учебнике местного издания.

Интернационал пионеров

Еще один детский «Интернационал» появился в 1925 году на страницах «Пионерского песенника», выпущенного издательством «Молодая гвардия». По-видимому, в соответствии с высоким статусом источника, который открывает весь песенник (раздел «Песни отцов и старших братьев»), его пионерская модификация дана первой в разделе «Песни пионеров»:

ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПИОНЕРОВ (*Мотив «Интернационала»*)

Знамена красного восстанья
Нас всех под сень свою зовут.
И просветленное сознанье
Один указывает путь:
В ряды борцов, за счастье мира,
За жизнь свободную рабов,
Низвергнуть старые кумиры
Войны и гнета — «Будь готов».

Припев:

Не должно быть отставших
И уставших в борьбе
Пионеров пролетарских
Наперекор судьбе.
Тот, кто честно и смело
Знамя красное взял, —
Венчает наше дело
Интернационал.

Мир старый в зареве пожараищ
Мы рушим мощною рукой.
Оковы сбрось с себя, товарищ,
И за свободу смело в бой!
Слабеет воля капитала,
Война объявлена войне.
Кто был в неволе сам немало,
Стоять не может в стороне.

Припев.

Вернуться в темные подвалы,
Где юные прошли года,
Склониться перед капиталом,
Опять рабом быть — никогда!
И мы не знаем отступленья
Назад из армии бойцов.
А впереди — освобожденье
Нас ждет. — «Будь готов».

*Припев.*²⁷

В сборниках пионерских песен, выпускавшихся в эти же годы другим издательством, этой песни нет.²⁸ В 1927 году «Пионерский песенник» был переиздан без изменений, но уже в «Новом пионерском песеннике» (1929), выпущенном в той же «Молодой гвардии» двумя годами позже, «Интернационал пионеров» исчезает — как, впрочем, и другие модификации революционных песен. Как и у большинства текстов в массовых песенниках того времени, автор не указан. Учитывая отсутствие других публикаций, можно предположить, что и эту, и ряд других пионерских вариаций известных песен эпохи революции

²⁷ Пионерский песенник. М.; Л., 1925. С. 33—34. Песенник был переиздан в 1926 году без изменений; Пионерский песенник «Молодые победы» / Сост. В. Андреева. М.; Л., 1928. С. 6—7.

²⁸ См.: Песни пионери. Л., 1925; Песни пионеров. Л., 1927.

и Гражданской войны, сочинил кто-то из близких издательству авторов непосредственно для данного сборника.

Интернационал, вынесенный в название, по-видимому, отсылает здесь к политическому объединению, а не к одноименной песне, и указывает на международный характер коллективного лирического героя и его борьбы. Кажется, только таким образом можно объяснить то неожиданное обстоятельство, что в 1925 году *красное восстание* до сих пор в разгаре, а *освобождение* еще только *ждет впереди*. За исключением девиза «Будь готов!» и упоминания «пионеров пролетарских», ничто в тексте не сигнализирует и о том, что речь вообще идет о пионерах, а не о взрослых, зрелых борцах, которые *рушат мощною рукой* старый мир. Некоторые фрагменты и вовсе исключают детей в качестве субъекта высказывания — например, пугающая перспектива *вернуться в темные подвалы, где юные прошли года*. В этом отношении «Интернационал пионеров» выглядит несколько странным текстом даже на фоне других, в большинстве своем столь же недолговечных, пионерских песен середины 1920-х.²⁹

²⁹ Для сравнения, в «Марсельезе пионеров» из того же сборника вполне четко прописаны как поколенческая позиция советских пионеров:

Будьте сменой ушедших из строя
Ваших старших друзей и отцов,
Что погибли, сражаясь и строя,
В грозной схватке лачуг и дворцов, —

так и задачи международной пионерии исходя из текущего положения дел в мировой революции:

Много в странах еще зарубежных
Терпит горе рабочий народ,
Но и там пионеров мятежных
Вышли рати в победный поход.
Несосчитанной армией детской
Поднимаясь из края и в край,
Помогайте России Советской
Ад земной перестраивать в рай.

(Пионерский песенник.
М., Л., 1925. С. 41).

Революционная песня как педагогическая программа

Традиция создания тематических и идеологических вариаций наиболее известных и авторитетных революционных песен, сложившаяся в период революционного движения и Гражданской войны,³⁰ после победы советской власти не только не прервалась, но и, можно сказать, получила второе дыхание, причем круг задействованных был значительно расширен. В первой половине 1920-х годов на страницах песенников появляется целый ряд новых текстов, использующих в качестве прецедентного текста и источника как минимум ритмико-мелодической основы не только «Марсельезу», но «Варшавянку», «Вы жертвою пали», «Наш паровоз вперед летит» и другие старые и новые революционные песни, в том числе и «Интернационал».³¹

Можно предположить, что авторов переработок привлекала не только общеизвестность революционных гимнов и массовый опыт их хорового исполнения, высокий символический статус этих песен и их формульный язык, который можно было использовать как готовый к употреблению поэтический конструктор. Не менее

³⁰ Например: «Крестьянская Марсельеза» («Отпустили крестьян на свободу...») // Песни революции и свободы. Смоленск, 1918. С. 15–16; «Студенческая Марсельеза» А. А. Богданова («Ты нас вызвал к неравному бою...») // Русские песни и романсы / Вступ. статья и сост. В. Гусева. М., 1989. С. 497–499; «Мирная Марсельеза» А. М. Хирьякова («Вперёд, товарищи, ступайте...»), не попавшая в размер источника и положенная на музыку Д. А. Черномордиковым (см. о ней: *Тамбовцева С. Г.* «Мирная Марсельеза»: поэтика и прагматика революции в песенном обиходе духоборцев // Фольклор и антропология города. Т. 3 (2020), № 4. В печати); «Коммунистическая Марсельеза» Демьяна Бедного («Мы — пожара всемирного пламя...») // Комсомольский песенник. 3-е изд. М.; Л., 1926. С. 8–9.

³¹ Юношеский Интернационал // Коробейник. Новый народный песенник. Иваново-Воснесенск, 1925; Интернационал работниц и крестьянок («Перед гнетом тяжкой, злой судьбы...») // Там же. 1925. С. 118–119. Антирелигиозный интернационал // Комсомольский песенник. 1926. С. 119–120.

привлекательной была прагматическая специфика революционных песен, тексты которых устроены как репрезентация определенной идеологической и/или политической программы.

Отчетливый программный характер имеют и «детские» вариации «Интернационала», которым посвящен наш комментарий. Так, в «Интернационале пионеров» представлена мало чем отличная от оригинала программа классовой борьбы против *воли капитала*. *Просветленное сознание один указывает путь: следует сбросить с себя оковы, вступить в ряды борцов, низвергнуть старые кумиры войны и гнета и далее не знать отступленья назад из армии бойцов.*

Что же касается «Песни ласточек мировой весны» и «Цветов Коммуны», то их авторы распорядились символическим и прагматическим потенциалом пролетарского гимна иначе. Отнюдь не лишённые пафоса революционного преобразования и во многом различные между собой, обе эти вариации «Интернационала» содержат в себе утопическую программу коммунитарной педагогики. Дети-ласточки предреволюционных лет поют о *новой школе*, дети-цветы о (детских) *садах коммуны* в стране победившей революции, и в обоих случаях речь идет о воспитательной системе, построенной на принципах демократизма, сознательности и коллективного труда: вспомним «цветы коммуны трудовой» в тексте Князева и второе название пьесы Правдухина «Трудовая артель». В этой педагогической программе исключены не только авторитарная власть взрослых и старые образовательные техники, основанные на принуждении, наказаниях и зубрежке, но нет и социальных различий, поскольку неправильное происхождение легко преодолевается правильным воспитанием. О последнем в «Песне ласточек...» не упоминается, но в самой пьесе этот пункт программы не обойден: среди учеников есть сын купца, который не хуже крестьянских детей «перенял аромат» идей и практик, принесенных новым учителем.

Детские «Интернационалы» Правдухина и Князева — не единственные случаи использования революционных песен для создания текстов, артикулирующих принципы новой педагогики от коллективного имени детей. Таков, например, «Детский гимн» (1920), сочиненный поэтом и писателем А. Я. Дорогойченко, где советский детский сад с его свободным воспитанием преподносится как одна из ценностей нового строя, за который «папа воюет на фронте»:

Веселы, радостны будем.
В детском свободном саду
Вырастут новые люди,
Новую жизнь создадут.³²

Другой песенный педагогический манифест под заголовком «Гимн школьников» появился в печати в 1917 году, когда Государственный комитет по народному образованию, созданный Временным правительством готовил первые программные документы для институционального воплощения тех самых педагогических принципов, за которые Валериан Правдухин ратовал в своих статьях, которым он следовал в школе, эффекты применения которых позже изобразил в своей пьесе. Автор «Гимна школьников» неизвестен, но модель обустройства новой школы прописана здесь с подозрительной детальностью, вплоть до порядка следования предметов и перечня отмененных дисциплинарных мер:

³² *Дорогойченко А.* Детский гимн // Коммуна (газ., г. Самара). 5 августа 1920 г. С небольшими сокращениями стихотворение также включалось в учебные книги для школ первой и второй ступени (Новый мир: Книга для чтения по родному языку. Часть 4. Омск, 1923. С. 30—31; *Пешковский А.* Наш язык: Учебная книга по грамматике для школ I ступени: Сборник для наблюдений над языком в связи с занятиями правописанием и развитием речи. Часть I. Изд. второе, переработанное. М., 1924. С. 60); *Флеров В.* Ясное утро. Вторая книга для чтения. [Новое издание]. М., 1924. С. 60.

Долго нас двойки томили,
Долго нас карцер пугал.
Экзамены все отменили,
Час новой школы настал.
<...>
К гимнастике станем мы в пары
После ручного труда.
Юные мы коммунары!
Нам красная светит звезда!!.³³

Остается сказать, что оба упомянутых стихотворения сложены на основе «Боевого марша», известного по первой строке «Смело, товарищи, в ногу». Но это уже совсем другая песня.

³³ Гимн школьников (Первая ступень) // М. Л. Как красношейки победили царя: Сказка для детей в день празднования революции. М.: Отдел народного просвещения Басманного Совета Р и К. Д., 1917 [1918]. С. 8. Об исполнении песни воспитанниками «колонии близ Битцы» в 1921 г. см. в дневнике Николая Михайловича Мендельсона (1872—1834). Запись от 1/VII.1921 / Подг. текста к публ. Н. Галкина, М. Мельниченко, И. Попович // Сайт «Прожито» <https://prozhito.org/notes?keywords=%5B%22Детский+интернационал%22%5D>; дата обращения: 31.10.2020.